

16+

Леонид Лещинский

7 коротких встреч

Леонид Лещинский
Семь коротких встреч

«ЛитРес: Самиздат»

2004

Лещинский Л. Д.

Семь коротких встреч / Л. Д. Лещинский — «ЛитРес: Самиздат»,
2004

Новый рассказ из серии нон-фикшн для взрослых и детей. В книге описываются реальные обстоятельства знакомств с интересными людьми.

© Лещинский Л. Д., 2004
© ЛитРес: Самиздат, 2004

К сорока годам, стремясь избавиться от нищеты, я решил пойти в таксисты.

Перейти из инженера (а именно им я был) в шоферы оказалось не так просто. Некие, то ли писанные, то ли неписанные советские законы запрещали принимать на рабочие должности людей с высшим образованием, и, хоть и не хотелось, но пришлось мне прибегнуть к помощи КГБ. Дело в том, что с последней моей службы меня поперли при участии КГБ, а стукачка на том предприятии, около года «дружившая» со мной и выдававшая себя за человека «из кругов правозащитников» и бывавшая у меня дома, после того, как меня чекисты посреди трудового дня «взяли» и повезли на Лубянку на «профилактическую беседу», несколько раз советовала обратиться к ним, чтобы они помогли мне найти новое место.

– Одного из наших правозащитников так из-за них выгнали из института,– травила мне стукачка,– и он после этого пошел к ним и заявил: «Теперь устраивайте меня на другую работу». И ему помогли.

Через некоторое время, когда я допер, что дружившая со мной «правозащитница» вовсе не диссидентка, а натуральная стукачка, и ее совет обратиться за помощью в трудоустройстве к чекистам собственно от них и исходит, и, когда мои неоднократные в течение года попытки поступить на работу водителем такси окончились неудачей, я вспомнил об этом совете, позвонил «бойцу невидимого фронта» (он оставил мне свой телефон «на всякий случай»), который после операции против меня получил повышение в должности и звании (был майором, начальником первого отдела в заведении, где я работал инженером, а стал подполковником, и его перевели служить в основное здание на Лубянке), встретился с ним и высказал свою просьбу.

– Да мы же не имеем таких возможностей. У нас же нет таких прав,– приbedнялся мой подполковник. (До этого под их телефонные звонки меня 13 лет на всех моих работах терроризировали стукачи, нигде не давая нормально работать, а после под те же звонки отобрали ребенка, сына).

– Ну, попробуем что-нибудь,– пообещал, все-таки, мой чекист.

Через месяц я был направлен на курсы шоферов, и через полгода сел за руль авто.

В первые же дни моей новой профессии меня поразило, насколько работа в такси ответственнее и самостоятельнее работы советского инженера, на которого меня мурыжили пять лет в институте. Да и заработок получился в 2-3 раза больше прежнего. С чаевыми, разумеется.

О, страна чудес.

Не знаю, как сейчас, а в советское время таксисту полагалось иметь не более двадцати процентов холостого пробега (то есть, неоплачиваемого, пробега без пассажира). На практике это означает, что, отвезя очередного клиента, можно лишь выехать со двора на улицу и там остановиться, дожидаясь следующего. Пару раз безрезультатно простояв так часа по полтора (а план выручки на каждую смену также существует), я не стал больше этого делать, а обычно неспешно ехал по улице или проспекту, как правило, вскоре находя нового пассажира. Но, конечно, повышенный холостой пробег у меня образовался.

Администрация таксопарка, не очень обращает внимание новичков-водителей на недопустимость повышенного холостого пробега. Зато, когда его набирается уже несколько сот километров, начальник колонны начинает ощутимо давить на таксиста, коря его за этот недостаток. Таксист при этом, во избежание дальнейших неприятностей, должен давать начальству рубль, два или три при каждом таком напоминании. Процедура эта не из приятных, так как нужно еще уговорить, убедить, чтобы эти рубль, два или три взяли. Да и денег жалко, иной раз это чаевые за всю смену.

Через год работы у меня эти несколько сот километров холостого пробега набрались, и мне пришлось обратить довольно серьезное внимание, чтобы он больше не возрастал. Тем не менее, я не мог отказать себе в том, чтобы в течение дня заехать домой пообедать. Пообедать из чистой, а не скользкой и жирной, плохо промытой после предыдущих блюд общепитовской посуды с обязательным последующим поносом, как было в предыдущей моей инже-

нерной карьере. Кроме того, через час-два после такого обеда (из перекраденных столовских приготовлений) уже снова хочется есть, как ни в чем не бывало, а шоферская работа требует постоянного повышенного физического и нервного напряжения и чувство голода мешает этой необходимой сосредоточенности. Так что я всегда старался заехать домой поесть, выбирая для этого момент, когда находился недалеко от дома или хотя бы не в противоположной стороне города. И это удавалось почти в каждую смену. Но снижению холостого пробега это, естественно, не способствовало.

В один из таких дней, перекусив, я выехал «на линию». Жили мы тогда, я и мои родители, в Южном Чертанове, совсем недалеко от Московской кольцевой дороги. Я ехал, а клиенты все не попадались. Проехав четыре километра по Варшавскому шоссе, я свернул налево на Балаклавский проспект, но так и не увидел ни одной поднятой руки. Еще километров через пять, досадуя, что до сих пор еду порожняком, израсходовав уже пятидесятикилометровую норму холостого пробега, я добрался до Ленинского проспекта, свернул на него и направился к центру, там, обычно, пассажиров бывало больше. И тут увидел, что на противоположной стороне «голосует» женщина. Я развернулся и подъехал к ней.

На обочине стояла стройная молодая особа в серой юбке и жакете. У нее было с правильными тонкими чертами спокойное выразительное, так называемое, интеллигентное лицо.

– Куда вам?– спросил я.

– В Чертаново.

Ну, куда угодно готов был я ехать, только не в Чертаново. Там, знал я, ни одного клиента не светит. И снова мотать оттуда порожняк – это было сверх моих сил. Тем более уезжать отсюда, с Ленинского, по дороге к центру, где минуты через две-три уже один за другим пойдут пассажиры.

– Нет, не могу,– отказал я.

– Так устала. Ноги болят,– попыталась она меня уговорить.

– Нет, не могу,– искренне сожалея, повторил я, и она прекратила разговор.

Я доехал до перекрестка, развернулся и продолжил свой путь к Октябрьской площади. Но, не проехав и ста метров, стал себя ругать. «Да уж не стал ли я превращаться в одного из тех жлобов, что из «экономической целесообразности» или лишнего рубля готовы пойти во все таксистские тяжкие? Вот, оставил интеллигенточку на дороге... Не так уж часто интеллигенты останавливают такси». Досадуя на себя, я еще раз развернулся и подъехал к тому месту, где она меня остановила. Там никого не было. Медленно проехав, я убедился: она нашла другую машину. А я-то уже настроился «исправить ошибку»... «Ну и хорошо»,– подумалось. Я еще раз развернулся и поехал к центру. Было это в 1986-ом году... 16 лет назад, стало быть... Давно...

В отрочестве я часто слушал радиостанцию «Свобода». Там, где я жил тогда со своими родителями, в Донбассе или, как говорят все живущие в том, щедро прогретом солнцем степном крае, «на Донбассе», «Свобода» была слышна довольно хорошо. И почти всегда в коротковолновом эфире являлась самой мощной и заметной радиостанцией. Донбасс расположен на возвышенности, и это существенно улучшает прохождение там многочисленных зарубежных радиостанций не только на коротких, но и на средних волнах. Кроме того, жили мы не в городе, где, в основном, и работали глушители, а в шахтерском поселке, откуда до ближайшего областного центра, Луганска, около 70 километров, так что глушение доходило до нас в ослабленном виде, и слушать можно было почти каждый день, чему, думаю я, с удовольствием предавалась немалая часть донбасского населения. Во всяком случае, нигде, где позже пришлось мне жить, не встречал я такой психологической незашоренности, такого спокойного и естественного неприятия советского режима, власти, как среди донбасских людей, хотя анта-

гонизм этот почти никогда явно не высказывался, по понятным, естественно, причинам. Кроме того, Донбасс, это было из тех мест, о которых говорят: «Дальше не пошлют». А по отношению к Донбассу вернее было бы сказать «глубже не пошлют». И здесь немало жило народа, кто, помыкав судьбу по великой империи, оседал в этих краях: хоть и тяжелая работа, и опасная, двести-триста метров под землей, порой в тесном угольном пласту, но все же что-то можно заработать, чтобы нормально поесть и не ходить оборванцем, как было в других местах. Но, конечно, бедноты на Донбассе тоже хватало – хорошо оплачивались только подземные работы. О, что такое коммунизм, здесь знали всегда: получи лопату и «бери больше – бросай дальше».

Так я слушал «Свободу», первую ее когорту, Георгия Адамовича, Владимира Вейдле, политических комментаторов Николая Градобоева, Виктора Лаврова, звонкие самоотреченные голоса Виктории Семеновой, Екатерины Гориной, других... Когда упоминались талантливые литературные произведения, выходившие у нас, я старался с ними ознакомиться. Так, в журнале «Новый Мир» я прочел роман «Тишина» и узнал имя его автора – Юрия Бондарева. Узнал и об особом месте в нашей культурной и общественной жизни журнала «Новый мир». Читал в нем мемуары Эренбурга «Люди, годы, жизнь». И имя Евтушенко я услышал впервые из передач «Свободы», хотя и так оно в нашей стране вскоре стало достаточно известно, в первую очередь, из-за кампании критики его за опубликование на Западе своей «Автобиографии». И с поэзией его я ознакомился и очень ее полюбил. Но все это находилось на обочине моих основных интересов. А в центре их была радиоэлектроника, релятивистская и квантовая физика, и я к тому времени уже спаял с десятков приемников и усилителей.

После восьмого класса я поступил в Луганске в вечерний радиотехнический техникум. Но, проучившись там год, пришел в полное недоумение. В таком месте, полагал я, должен быть очень интересный народ. Ведь сюда могут поступить далеко не все, кто учится в школе. В нашем шахтерском поселке поступить в техникум считалось большим достижением и удачей. Но то, с чем я столкнулся здесь оказалось полным разочарованием. И дело не в том, что большинство учащихся в этом вечернем заведении были старше, и гораздо, меня, «мужики», но и в том, что я попал в окружение людей, как старших, так и таких же по возрасту, как я, гораздо менее интересных и разносторонне развитых, чем даже мое школьное окружение. Литературу, или, там, географию здесь вообще не читали (впрочем, насчет литературы сомневаюсь, может, в каком-то рудиментарном виде ее и преподавали, но мне, почему-то не запомнилось. Вообще, литература в нашей группе в том техникуме решительно никого не интересовала). Радиотехнику, радиоэлектронику тоже, пока что, никто нам преподавать не собирался, так что и в этом отношении развитие мое остановилось. Между тем, ради продолжения образования я оставил родительский дом и в городе жил, снимая у пожилой четы угол с кроватью за ширмой в одной комнате с ними и, питаюсь в столовой, где никак не возможно было наесться так, чтобы через два часа снова не хотелось есть. Ну и, конечно, одиночество. В моей дружбе здесь никто не нуждался.

В первый год я не только учился, но и работал, ремонтировал в мастерской автомобильные приборы. Мне очень хотелось иметь магнитофон и радиоприемник «Спидола». А перейдя на второй курс, я твердо решил расстаться с техникумом – это оказалось совсем не то, что я представлял себе, поступая туда на учебу. В течение года я усиленно штудировал математику за пропущенные школьные классы, готовясь к экзаменам в институт. И это удалось. В институт, институт радиоэлектроники, я поступил в Харькове. В 1965-ом году. Но прошло не так много времени и меня постигло новое недоумение и разочарование: хотя институтское окружение, не в пример вечерне-техникумовскому, состояло сплошь из молодежи, интересным назвать его никак нельзя было. Убогий общий интеллектуальный кругозор, убогие рассуждения, убогие интересы... К тому же выяснилось, что в Харькове производится полное глушение радиостанции «Свобода» (наверное, из-за этого и население там было, словно интеллектуально оскопленное). За пять лет моей харьковской жизни и одной минуты не слышалась

«Свобода», только рев глушителей на ее частотах. (Но, уезжая на праздники или каникулы к родителям, я за передачами «Свободы» все же старался следить).

Оказалось, что в техническом ВУЗе совершенно не читают лекций по литературе, хотя бы в виде какого-то общего курса. А я-то так надеялся... Никак не мог я предположить, что человека с высшим образованием (пусть, и техническим) могут выпустить полным невеждой в хотя бы главных вопросах современной литературы и культуры, и он может понятия не иметь, ни кто такие Сэллинджер и Капоте (сверхпопулярные тогда в мировой литературе), ни кто такой Антониони и с чем его едят (фото его любимой актрисы Моника Витти встречалось тогда чуть ли не в каждом номере восточноевропейских журналов о кино; западноевропейских у нас, естественно, не водилось). Оказалось также, что и знания по электронике в этом институте не спешат давать. Первые три года там читали что угодно, только не электронику. В общем, кто приходил в этот институт, не разбираясь в радиосхемах, тот таким же мог из него и выйти, но уже с дипломом.

О, страна чудес.

Но «Голос Америки» в Харькове слушать было можно. Хоть и с подслушиванием, и с помехами, но можно. И те пять лет, что я там жил и учился, я стал верным и благодарным слушателем «Голоса Америки». И беседы Виктора Французова, Константина Григоровича-Барского, Ираиды Ван-Деллас, «События и размышления» ежедневно в 22 часа, «Книги и люди» по четвергам в 21.15 с голосами Зоры Сапфир и Мориса Фридберга, религиозные программы Виктора Потапова, другие замечательные передачи и голоса стали для меня родными на всю жизнь. Не знаю даже, как бы я без них прожил, пережил те годы в Харькове. Мой им низкий, низкий поклон.

Другой отдушиной в Харькове стал для меня журнал «Новый мир». Я о нем вспомнил, когда выяснилось, что интересных собеседников мне здесь ждать не приходится. За те два года, что я уехал из родительского дома и окунулся в ворох больших и малых проблем самостоятельной и без своего дома жизни в чужом городе, о журнале я, пожалуй, раз только и вспомнил, когда разыскивал и покупал в киоске номер с «Теркиным на том свете». Но там, в Луганске, через «Спидолу» со мной была «Свобода» и живые голоса Адамовича, Вейдле, Виктора Франка, Марка Слонима, других... Теперь я от «Свободы» был оторван и срочно искал ей замену. Я вспомнил о книжках «Нового Мира», которые читал в отрочестве в родительском доме и стал их покупать в киосках. А когда в 66-ом году в розничной продаже находить «Новый Мир» стало все сложнее, выписал его на почте. И долго потом я его выписывал. Даже когда журнал вырвали у Твардовского и отдали Косолапову – жалко было с ним расставаться, хотя тогда я его подписывал уже скорее по привязанности. И только, когда он попал в руки Наровчатова и стал уже совершенно не интересен, я подписку прекратил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.